

ламентских выборов в Великобритании (1931 г.) Струве увидел в проблеме британского протекционизма «неотвратимую задачу дня».

Петр Бернгардович Струве сыграл заметную роль в развитии российской экономической науки. В ряду русских экономистов он является одним из крупнейших представителей отечественной либеральной мысли. Его взгляды претерпели эволюцию от марксистской политической экономии к своеобразной теории хозяйства. По мнению Струве, сочетание экономической свободы с государственным вмешательством есть одна из важнейших характеристик капитализма, находящегося на этапе своего становления. Можно согласиться с мнением П. П. Гайденко, что «Струве был одним из немногих, кто понимал, что для практически-политической деятельности, для осуществления либеральных преобразований в России необходимо отрешиться от крайностей и восстановить в правах давно забытое и презираемое чувство меры — эту добродетель древних»⁷.

Примечания

¹ *Зотова З. М.* Петр Бернгардович Струве // ВИ. 1993. № 8. С. 71.

² *Боечин В. П.* Струве Петр Бернгардович // Политические деятели России. 1917: Биогр. слов. М., 1993. С. 308.

³ *Беспалов С. В. П. Б.* Струве об экономическом развитии и экономической политике в России на рубеже XIX–XX веков // Экономическая политика. 1993. № 1. С. 33–48.

⁴ *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России: 1805–1905. М., 2007. С. 305.

⁵ *Савченко М. М. П. Б.* Струве // *Струве П. Б.* Торговая политика России. Челябинск, 2007. С. XVIII.

⁶ *Струве П. Б.* Торговая политика России. С. 251.

⁷ *Гайденко П. П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 54.

Д. В. Ковалев

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В БЛИЖНЕМ ПОДМОСКОВЬЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Крестьянское хозяйство Подмосковья и, прежде всего, Московского уезда в течение длительного исторического периода играло важную роль в обеспечении древней российской столицы цельномолочными продуктами и, в первую очередь, молоком. Согласно сведениям государственной статистики, в начале XX в. из 10–11 тыс. ведер этого скоропортящегося товара, ежегодно поставляемых в Москву, не менее 30 % приходилось на продукцию крестьян. Однако наряду с регистрируемым товарооборотом, сбывалось также огромное количество неучтенной продукции, различными путями попа-

давшей из деревни в первопрестольную. По самым скромным оценкам, при-
водимым в источниках, объем такого молока определялся приблизительно
в 3 тыс. ведер¹.

Минимальные издержки во времени и материальных затратах на транс-
портировку товара к месту сбыта превращали крестьян Московского уезда
в монопольных поставщиков скоропортящейся сельхозпродукции. Специа-
лизация на ее производстве определяла хозяйственный облик большинства
районов ближнего Подмоскowie. Такое положение вещей лишь укреплялось,
несмотря на бурное развитие транспортной инфраструктуры и, в частности,
прокладку в конце XIX — начале XX в. крупных железнодорожных магист-
ралей, связавших Москву с главными сельскохозяйственными областями
и крупнейшими торговыми центрами империи. В этой связи следует отме-
тить, что к 1913 г. даже столичные губернии России все еще уступали наибо-
лее развитым странам Западной Европы по основным показателям обеспе-
ченности экономики транспортными коммуникациями. К примеру, даже
в Подмоскowie, географически занимавшем особенно выгодное, цен-
тральное положение, относительная протяженность и густота железнодорож-
ной сети была вдвое-втрое меньше по сравнению с западноевропейскими
государствами (см. табл. 1)².

Таблица 1. Плотность железнодорожной сети в западноевропейских странах,
Европейской России и Московской губернии

Страна / территория	Среднее расстояние от селения до ближайшей железнодорожной стан- ции	Протяженность железно- дорожного полотна на 1 тыс. кв. верст
	в верстах по данным на 1912 г.	
Бельгия	3,3	150
Великобритания	4,2	120
Германия	4,2	120
Франция	5,0	100
Европейская Россия	42,0	12
Московская губерния	10,6	50
Московский уезд	4,7	115

Поэтому в отличие от других экономико-географических зон, резких пе-
ремен в хозяйственной жизни крестьянства ближайших к Москве селений,
а также непосредственно соседствующих с ними местностей, с расширением
транспортного сообщения не отмечалось. К тому же, как известно, крестьяне
в большинстве своем для доставки продукции к рыночным центрам предпо-
читали пользоваться более дешевым и удобным для них гужевым транспортом.

Основным районом молочной специализации крестьянского животноводства Подмосковья являлись волости северной части Московского уезда, сравнительно заболоченной, лесистой, и потому малоблагоприятной для земледелия. Однако товарный характер крестьянское молочное скотоводство здесь приобрело лишь в последней четверти XIX в. В начале 1880-х гг. поставки крестьянского молока в Москву осуществлялись, главным образом, из селений Ростокинской, Всехсвятской и Хорошевской волостей, расположенных в радиусе примерно 10 верст от города. Спустя десятилетие эта зона расширилась на север до 25–27 верст, включив в себя Черкизовскую, Троицкую и Мытищинскую волости, а также распространилась на Троице-Голенищевскую — к западу и Выхинскую — к востоку. Количество селений, вовлеченных в сферу молочной торговли, выросло за этот период с 41 до 222³.

Влияние рыночных импульсов в крестьянском товарном производстве молока даже в пределах одного Московского уезда резко менялось по мере удаления от первопрестольной. Наиболее убедительны в этом смысле данные об интенсивности кормления животных в условиях высоких цен на молоко, собранные и обобщенные известным экономистом, знатоком молочного хозяйства России Н. П. Макаровым (см. табл. 2)⁴.

Таблица 2. Изменение режима кормления дойных коров при повышении цен на молоко по районам Подмосковья

Режим	Доля хозяйств, изменявших кормление при высоких ценах на молоко (в %)	
	качественно	количественно
Ближний	48	53
Средний	35	35
Дальний	10	11

В ближайших к Москве местностях (расстоянием до 10 верст) рост цен приводил к усилению и улучшению откорма молочного скота в каждом втором хозяйстве, а в удаленных на 10–20 верст (средний пояс) — в каждом третьем. В пределах же дальнего пояса (от 20 до 40 верст) лишь отдельные хозяева меняли режим кормления дойных животных в случае ценовых колебаний на московских рынках. По-видимому, в последней из упомянутых зон регулярное взаимодействие с рыночным центром могли поддерживать лишь крупные производители, постоянно сбывавшие там значительное количество товара, что позволяло им покрыть высокие транспортные издержки. Отсюда повышенная чувствительность к текущей конъюнктуре спроса, при этом главными средствами доставки были уже не подводы, как в ближних селениях, а товарные поезда, регулярное пользование которыми было не по карману

большинству деревенских животноводов. На подобную зависимость транспортных предпочтений крестьян от расстояния до пункта сбыта указывал А. В. Чайнов, соотнося составленный им график гужевых и железнодорожных цен с известной схемой «концентрических кругов» немецкого экономиста И. Г. Тюнена⁵.

Исключительно выгодные условия рыночного сбыта качественно меняли всю организацию крестьянского скотоводства в прилегающих к Москве волостях. Для содержания коров строились нехарактерные для остальной деревни теплые хлева с деревянными полами, ежедневно вычищаемыми от навоза, в городе приобретались концентрированные корма (отруби, отбросы хлебопекарен, пивная гуща, барда, солодовые ростки и др.). Обычно во дворе устраивался ледник, позволявший обеспечить сохранность молочных продуктов в течение длительного времени. Выращивание молодняка на покупных кормах требовало значительных затрат. Поэтому приплод, как правило, продавался уже в возрасте от недели до двух, а ремонт стада осуществлялся благодаря покупке взрослых коров на стороне⁶. Более того, в Московском уезде, как отмечал Н. П. Макаров, «так своеобразен строй хозяйства и так подчинен рынку, что коровы держатся иногда только лишь пока дотяся, и продаются, как только наступит период сухостоя. В течение года в ближних подстоличных районах покупалось 44,2 % коров от их летней наличности. Все расширение молочного производства в этих районах базировалось на покупке скота»⁷.

Под влиянием товаризации крестьяне быстро расставались с давно укоренившимися стереотипами во взглядах на внутрисемейное разделение труда. Отношение к молочному хозяйству как к «бабьему промыслу» уходило в прошлое. Достаточно привести данные по волостям рассматриваемого района (за исключением Черкизовской и Мытищинской), согласно которым доля мужчин в крестьянской торговле молоком в начале XX в. уже превышала 43 %⁸.

Непосредственную реализацию своей молочной продукции осуществляли лишь крестьяне пригородной зоны. В более удаленных районах главенствующую роль играли разного рода барышники, сливочники и т. п. Так, в Ростокинской и соседних селениях Всехсвятской волостей, где среднее расстояние до Москвы не превышало 7–8 верст, крестьянское население самостоятельно доставляло производимое молоко на городские рынки и непосредственно потребителям, сбывало дачникам и в расквартированные поблизости армейские подразделения. Напротив, крестьяне расположенных к западу и северо-западу от указанного района селений Всехсвятской и Хорошевской волостей, удаленных от главного рынка на 10–15 верст, продавали свои молочные продукты и молоко торговцам-скупщикам. Причем в последнем случае земские статистики отмечали последовательное ухудшение экономического состояния основной массы сельского населения: убыль в обес-

печенности жителей крупным скотом, рост дворов, вообще не имеющих скота и не ведущих хозяйства и др. Почти прямо противоположная ситуация наблюдалась в районах самостоятельного сбыта крестьянского молока: абсолютное и относительное увеличение поголовья молочного стада, более равномерное распределение его среди крестьянских хозяйств при значительном повышении доли многокоровных, сокращение процента крестьянских семей, не занимающихся животноводством и не обрабатывающих надела, общий рост благосостояния⁹.

Тем не менее, крестьянство ближнего Подмоскovie, вовлеченное в товарное молочное производство, более решительно освобождалось из-под власти частной посреднической торговли и развивало, наряду с другими, сбытовую кооперацию. Осенью 1909 г. в Московском уезде возникло два молочных товарищества (Сухаревское и Чапчиковское) для совместной рыночной реализации молока в свежем виде. В общей сложности они объединили 15 селений, из которых ежедневно в Москву поставлялось до 60–70 ведер молока¹⁰. В течение последующего пятилетия крестьянами уезда было образовано еще четыре таких объединения: Белорастовское, Дурыкинское, Хоругвинское и Протасовское.

На базе первых артелей ближнего Подмоскovie в 1911 г. началось кооперирование молочного дела на губернском уровне — образовался Московский союз молочных товариществ, который не только существенно улучшил положение крестьянского продуктивного животноводства в регионе, но и во многом способствовал его подъему уже в условиях начавшейся мировой войны. Безусловно, обстоятельства военного времени стали причиной не только обострения существовавших проблем в организации молочного животноводства, но и появления новых, среди которых одной из наиболее чувствительных стал недостаток кормового фонда. Неурожаи трав в 1913–1914 гг., наряду с осложнением транспортных перевозок после начала войны, вызвали дефицит концентрированных кормов и вздорожание грубого фуража, крайне болезненно отразившиеся на всех отраслях крестьянского животноводческого хозяйства. Тем более, что одновременно осуществлялась скупка сена в порядке армейских заготовок. В сложившихся условиях значительная часть стада (и, в первую очередь, молодняк) была обречена на убой. Существенно уменьшили поголовье реквизиция крупного рогатого скота для нужд армии и военно-конская мобилизация. Наряду с этим, запрет на вывоз скота из одной губернии в другую (а в некоторых местах, где была проведена поволостная разверстка, даже за пределы волости) до крайности осложнил ремонт молочного стада¹¹.

Падение поставок молочных продуктов на московские рынки из-за сокращения производства и транспортных затруднений подстегнуло цены. Если в конце 1914 г. ведро молока в Москве сбывалось по 1 руб. 20 коп., то спустя год оно подорожало в полтора раза. Еще быстрее росла его себестоимость.

К тому же резко подскочили накладные расходы¹². В подобных условиях перед крестьянской молочной торговлей особенно остро встала проблема организации сбыта. Решение этой задачи дало мощный импульс ускоренному развитию молочной кооперации в подмосковной деревне. За военные годы число артелей в составе Союза выросло с 25 до 31, а их оборот увеличился более, чем вдвое: с 227 тыс. руб. до 842 тыс.¹³ Прирост был достигнут, прежде всего, за счет вовлечения в кооперативную торговлю товариществ Волоколамского, Дмитровского и других уездов, где в отличие от подгородных селений крестьянство особенно нуждалось в посредническом содействии при реализации производимой продукции на рынках губернского центра. Кооперированные хозяйства получали возможность пользоваться льготными кредитами под реализацию произведенного ими молока. Через союзные кооперативные организации осуществлялись централизованные заготовки для снабжения армии и регулируемого сбыта в городах. Московский союз также организовал постоянное снабжение молоком и молочными продуктами больных воинов, находящихся на излечении в госпиталях Москвы и уездных городов губернии¹⁴. Все это обеспечивало стабильный рынок для производителей и гарантировало их от экономического риска. Поэтому к посредническим услугам молочных кооперативов прибегали и многие некооперированные крестьяне, хотя они и не обладали теми преимуществами, которые предоставлялись полноправным членам. В 1915 г. доля молока, прикупленного Московским союзом у скотоводов, не входивших в его систему, составила более 18 %, а других продуктов — около 69 %¹⁵. Между тем, удельный вес молочных товариществ Московского уезда в общем объеме заготовительно-сбытовых операций Союза стал постепенно сокращаться (см. табл. 3)¹⁶.

Таблица 3. Доля товариществ Московского уезда в поставках молока в Московский союз крестьянских молочных товариществ

Год	1913	1914	1915	1916	1917
%	39,9	35,2	28,0	24,4	20,7

Подобная динамика объяснялась деформациями на продовольственном рынке в целом и молочных продуктов в частности. Стремительное удорожание сделало молочные продукты одним из наиболее привлекательных предметов для спекуляции. В этих условиях закупочные цены Московского союза часто не удовлетворяли скотоводов пригородных волостей, которые во многих случаях предпочитали пользоваться услугами частных перекупщиков, плативших крестьянам за молоко намного больше, чем кооперативные организации¹⁷. В целом же уровень организационно-хозяйственного развития и степень охвата производителей еще не позволяли кооперативным организациям кардинальным образом влиять на ситуацию.

Хозяйственный кризис, вызванный революционными событиями 1917 г., и последующая антирыночная политика большевистского руководства подорвали развитие товарного молочного хозяйства подмосковных крестьян, отбросив его к чисто натуральной, потребительской системе организации производства. В результате поставки крестьянского молока в Москву упали до тысячи ведер в день, составив, таким образом, менее одной пятой самых необходимых потребностей¹⁸. «Пожарные» меры, предпринятые властями в рамках военно-коммунистического режима, оказались по большому счету бесполезными и не позволили существенно улучшить положение. Лишь к середине 1920-х гг. в условиях нэповской либерализации крестьянское молочное животноводство ближнего Подмоскovie постепенно стало восстанавливать утраченные позиции на столичном рынке.

Примечания

¹ *Толоконников А.* Снабжение г. Москвы молоком // Продовольствие и революция. 1923. № 5/6. С. 54.

² Составлено по: *Никитин Н. П.* Сельскохозяйственное районирование Московской губернии. М., 1921. С. 27. Прил. № 7; Кооперативная жизнь. 1913. № 10. С. 9–10.

³ *Морачевский В. В.* Успехи крестьянского хозяйства в России. СПб., 1910. С. 82; *Литошенко Л. Н.* Снабжение Москвы и других больших городов молоком. М., 1910. С. 37–39, 134, 136–137.

⁴ *Макаров Н. П.* Рыночное молочное хозяйство и кооперация. М.; Л., 1926. С. 208.

⁵ См. подробнее: *Чаянов В. А.* В. Чаянов — человек, ученый, гражданин. М., 1998. С. 117.

⁶ *Литошенко Л. Н.* Снабжение Москвы... С. 131–132; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 23: Московская губерния. СПб., 1903. С. 441.

⁷ *Макаров Н. П.* Рыночное молочное хозяйство... С. 204.

⁸ *Литошенко Л. Н.* Снабжение Москвы... С. 131–132; Труды местных комитетов... С. 441.

⁹ Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. Т. 4, вып. 1. М., 1907. С. 197–201.

¹⁰ *Морачевский В. В.* Успехи крестьянского хозяйства... С. 55; *Зырянов П. Н.* Крестьянская община европейской России: 1907–1914 гг. М., 1992. С. 225.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Д. 254. Л. 118–118 об.

¹² Там же. Л. 118 об.–119; *Макаров Н. П.* Современное положение рыночного молочного хозяйства. М., 1917. С. 91.

¹³ *Макаров Н. П.* Рыночное молочное хозяйство... С. 208.

¹⁴ *Лубков А. В.* Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 54.

¹⁵ *Макаров Н. П.* Рыночное молочное хозяйство... С. 143.

¹⁶ Вестник сельского хозяйства. 1918. № 11/12. С. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подсчитано по: Известия ЦИК. 1918. 27 нояб.; РГАЭ. Ф. 812. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; *Толоконников А.* Снабжение г. Москвы молоком... С. 54.